

школы учиться в любые города Советского Союза, и язык перестал быть тому препятствием. Выводы В. С. Зеленчука и М. В. Маруневич, к сожалению, очень поверхностны. И это тем более обидно, что оба автора в первом разделе сборника выступают как серьезные исследователи.

Несколько слов о полиграфическом оформлении книги. Оставляет желать лучшего воспроизводство иллюстративного материала, особенно фотографий. Часто они так тусклы и нечетки, что не поймешь, о чем идет речь. К сожалению, в книге встречаются и досадные опечатки.

Тем не менее, несмотря на отдельные недочеты, хочется поблагодарить и авторов и составителей сборника за интересный и нужный труд и от души рекомендовать его читателю.

М. Я. Салманович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. В. Десницкая. *Албанский язык и его диалекты*. Л., 1968, 380 стр.

Книга А. В. Десницкой «Албанский язык и его диалекты» представляет собой отличный пример комплексного лингвистического исследования, в котором широко используются сведения этнографического характера. В результате создается цельная, очень живая картина длительной истории формирования современной лингвистической карты Албании. Действующими силами в этом процессе были не только законы развития самого языка, но и исторические факторы, которые на протяжении двух последних тысячелетий влияли на жизнь народа, формировали его этническую территорию, вели то к сближению, то к разобщению отдельных частей албанского ареала.

Первая часть книги посвящена современному албанскому языку (стр. 8—38). Здесь поставлена проблема исторического места албанского языка в системе индоевропейских языков, дан обзор морфологической структуры языка и освещен чрезвычайно важный для этнографии вопрос о возникновении и развитии современного литературного языка. Во второй части описаны диалекты албанского языка (стр. 39—377). Конкретному описанию диалектов предпослана глава «Общие вопросы албанской диалектологии», затем идет изложение материала по диалектным зонам в направлении от севера к югу албаноязычного ареала, а завершает эту часть специальная глава о говорах албаноязычных поселений за пределами страны — в Греции, Болгарии, на Украине и в Италии.

Вопрос о прямых предках албанцев в научной литературе дебатировался давно. Если не считать пелазгской гипотезы, ныне уже не популярной, на этот счет существует три основных мнения: албанцы — потомки либо иллирийских, либо фракийских племен, либо вышли из этнически однородной иллиро-фракийской среды. Албанские археологи поддерживают иллирийскую гипотезу. Их аргументы основаны на несомненном сходстве предметов современного быта албанцев с материалами, добытыми при раскопках иллирийских курганов (в основном речь идет о серебряных и бронзовых украшениях)¹. Но факт преемственности материальной культуры еще не исчерпывает проблемы этногенеза. Не менее существенен вопрос о преемственности языка. Здесь среди лингвистов нет единодушия. А. В. Десницкая не видит перспективы разрешения этого спора: «Окончательное его решение вряд ли возможно, принимая во внимание крайнюю недостаточность дошедших до нас остатков иллирийской и фракийской речи» (стр. 8). Бесспорно лишь одно: предки албанцев говорили на языке, принадлежавшем к коренным балканским языкам, а современный албанский язык входит в региональное лингвистическое единство, именуемое в языкознании «балканским языковым союзом». А. В. Десницкая отмечает «наличие специальных сходств в построении некоторых грамматических форм у албанского с румынским, болгарским, новогреческим и (в меньшей мере) с сербским языками» (стр. 9).

Албанский языковой ареал подразделяется на две крупные диалектные области: гегскую на севере и тоскскую на юге. Обычно говов и тосков принято рассматривать как две этнографические группы албанского народа. Современный албанский этнограф Рок Зойзи склонен видеть абсолютное совпадение диалектных ареалов с границами этнографических групп². Мне кажется, что вопрос этот не так уж безусловно ясен. Бу-

¹ «Historia e Shqipërisë», v. I, Tiranë, 1959, f. 50—58; S. Islami, H. Seka, Nouvelles données sur l'antiquité illyrienne en Albanie, «Studia Albanica», 1964, No 1, p. 91—138; S. Anamali, Le problème de la civilisation haute-médiévale albanaise, Tirane, 1966.

² Rr. Zojzi, Ndamja krahinore e popullit shqiptar, «Etnografia shqiptare», I, Tiranë 1962.

дем надеяться, что подготовляемый в настоящее время Албанский историко-этнографический атлас поможет разрешить эту проблему³.

Между диалектами обеих областей наиболее заметны фонетические различия, но есть и грамматические (стр. 40—44, 45). Внутри каждой из названных крупных диалектных областей отмечается более дробное деление, причем тоскская область отличается большей степенью единства, в то время как гегская расчленена значительно сильнее.

Когда же возникли эти языковые зоны? Как шел процесс — в сторону схождения или разобщения? А. В. Десницкая очень интересно раскрывает механику формирования диалектных групп и их связь с этнографическими группами, показывает сложность, многолинейность этого процесса и зависимость его от условий экономической и политической истории народа. Автор находит возможным говорить о «давнем происхождении членения на тоскский и гегский диалектные типы» (стр. 42). Например, такое характерное различие между гегской и тоскской фонетикой, как явление ротацизма (замещение звука «п» звуком «г») «развилося и действовало в дописьменный период, по видимому, еще в древнеалбанскую эпоху» (стр. 42), т. е. в I тысячелетии до н. э. Однако большинство признаков, характеризующих основные диалектные группы, возникли и «сгруппировались в пучки» (по выражению автора) сравнительно недавно, в течение довольно большого периода, начиная с XV—XVI вв. до XIX в. включительно. Постепенно они насаивались на древнейшую основу диалектного членения.

Суммируя все, что известно на основании изучения древнейших дошедших до нас албанских текстов XVI в., сочинений албанских епископов XVII в. и говоривших изолированных групп албанцев в Италии, Болгарии, Далмации и на Украине, А. В. Десницкая делает чрезвычайно важный вывод: «Несколько столетий тому назад гегский и тоскский диалекты были значительно ближе друг к другу, чем теперь» (стр. 50). Процесс расхождения начался в первые века турецкого владычества. Именно к этому времени А. В. Десницкая вслед за известным албанским языковедом Экремом Чабеем относит возникновение многих инноваций, шедших из центральных районов расселения албанцев. Они относились главным образом к фонетической системе Гегнии, причем на периферии албанского языкового ареала остались еще сильные следы былой близости старогегского и старотоскского языковых состояний (стр. 49—51, 74, 79, 214).

Итак, с одной стороны, расхождение, расчленение говоривших в результате процессов дивергенции, которые, в свою очередь, были вызваны разобщенностью сельских районов, с другой стороны — сложение койне, народно-разговорных и устно-поэтических (отдельно для севера и юга албанского ареала), в основе которых лежат обобщенные типы либо гегской, либо тоскской диалектной речи. Койне сложились на протяжении последних веков турецкого господства и отражают не только процесс языковой конвергенции, но главным образом «нарушенное состояние большей близости друг к другу староалбанских диалектов» (стр. 51). Местные говоры оставались средством общения в семье, селе, городке и т. д. и не замещались в бытовой сфере койне, которые становились наддиалектной нормой (стр. 37, 39, 46, 51, 79).

В отличие от многих европейских языков, диалекты и говоры которых «образовались в условиях длительного существования относительно обособленных феодальных территорий» (стр. 52), албанский язык не имеет четко очерченных диалектных границ; его говоры связаны между собою переходными формами, а между гегской и тоскской областями лежит обширная переходная зона к югу от р. Шкумбини. Это явление А. В. Десницкая объясняет частым изменением границ вилайетов и санджаков Османской империи, отсутствием замкнутых и устойчивых феодальных владений при военной системе турецкого государства, подвижностью населения, почти постоянным переселением и перемешиванием отдельных групп населения за четыре беспокойных века османского господства, когда феодальные междоусобицы, восстания народа, карательные экспедиции турок, войны империи и внутренние распри родо-племенных групп следовали бесперывной чередой.

Албановеды признают XVIII в. периодом относительного экономического подъема и определенной стабилизации жизни; в это время распалась военно-ленная система земельных пожалований и возникли крупные феодальные наследственные владения. Принято считать, что два крупных полунезависимых государственных образования — пашалык Бушати со столицей в Шкодре и пашалык Али-паши Тепелены с центром в Яние оказали определенное влияние на оформление гегской и тоскской этнографических групп. Возможно, что в сознании народа этот период, охвативший жизнь примерно двух поколений, не прошел бесследно. Но могли ли какие-нибудь полвека играть существенную роль в формировании языкового единства? Впрочем, и сама А. В. Десницкая с большой осторожностью говорит о такой возможности (стр. 48, 53, 242).

Степень взаимопонимания населения диалектных областей очень высока. Как отмечает автор, «возможность взаимопонимания между албанцами из различных областей страны, говорящими на своих местных говорах, существует при любых условиях» (стр. 46). Это утверждение имеет большое принципиальное значение для реконструкции этнической истории албанцев. Диалектное и этнографическое членение албанского

³ Rr. Zojzi, Etnografia shqiptare dhe veprimtaria shkencore e zhvilluar në këtë fushë, «Etnografia shqiptare», I, Tiranë, 1962; A. Kostallari, Le développement des études albanologique en Albanie, «Studia albanica», 1964, № 1.

народа становилось зачастую предметом политических спекуляций. Противники политической самостоятельности албанцев вообще не хотели признавать этот народ как этническую общность. Исследование А. В. Десницкой последовательно прослеживает этнические и языковые взаимоотношения внутри албанской этнической общности именно как единого целого. Несмотря на сложность пути, по которому шло формирование общенационального языка, главная тенденция развития привела к его единству. Очень важно, что языковая концентрация происходила задолго до политического объединения Албании. Она была не результатом административной реформы, а внутренней потребности народной жизни. Это ясно сознавали деятели национального движения конца прошлого и начала нашего века, выдвигая в качестве одной из программных задач движения создание литературного албанского языка (стр. 38, 265).

Автор подкрепляет свое суждение о целостности албанского языка ссылкой на М. Ламберца. Этот известный знаток Албании нашел точное и образное выражение своей мысли: «...основной костяк двух диалектных групп является настолько единым в фонетическом, синтаксическом и лексическом отношениях, что различия обеих частей здания можно усмотреть лишь в украшениях стен. Различия между самым северным из албанских диалектов — диалектом Груды и самыми южными — ляберийским и чамерийским менее значительны, чем между диалектами Турйна и Палермо или мекленбургским и тирольским»⁴.

Литературный албанский язык в настоящее время уже сложился и «с успехом выполняет свои функции высшей формы существования национального языка в современном обществе» (стр. 30). Особенность литературного албанского языка составляет существование двух его форм, сложившихся на южной (тогской) и северной (гегской) диалектных базах. На каждой из них создана и создается художественная и общественно-политическая литература. Ни та, ни другая литературная форма не отражают диалекта в чистом виде, они являются продуктом переработки и обобщения говоров. Взаимопроникновение этих норм наблюдалось всегда, и чем дальше идет культурное развитие народа, тем больше возможности для их сближения.

В Народной Республике со второй половины 1940-х годов южная норма получила преобладание; через печать, школу, радио и другие формы культурного общения она распространилась по всей стране, но не вытеснила гегскую форму ни из письменной, ни тем более из устной речи. Образованные албанцы зачастую свободно владеют и той и другой литературной формой. Однако ныне процессы языковой концентрации идут не регионально, а в масштабах всей страны, что облегчает дальнейшее сближение литературных норм (стр. 31—38).

Характеристика языковых заимствований очень важна для понимания этнической истории народа. Рецензируемая книга дает хорошее представление о степени интенсивности общения албанцев с теми народами, с которыми им приходилось сталкиваться в разные периоды своей истории: с римлянами, греками, славянами, венецианцами и, наконец, с турками.

Турецкое население в Албании не было многочисленным, концентрировалось в основном в городах. Богатые албанцы, а за ними и горожане средней руки перенимали от турок внешние черты повседневного быта: костюм, жилую архитектуру, внутреннее убранство дома и т. п. Именно эта сторона быта отразилась в языке: «...турецкие слова избилуют в обозначении предметов городского домашнего обихода, кушаний, одежды и др.; теряя свою предметную соотнесенность (в случаях выхода из жизни соответствующих реалий) или эмоциональную нагрузку..., они перестают употребляться, легко забываются» (стр. 10).

В иных стношениях оказался албанский язык со славянскими, распространившимися по Балканскому полуострову в средние века. Степень их проникновения выясняется путем изучения топонимии: славянские топонимы в Албании преобладают в южной части страны, располагаясь главным образом в речных долинах. Таким образом, данные лингвистики свидетельствуют о том, что в состав албанского этноса вошел в какой-то мере южнославянский элемент, ассимилированный албанцами на протяжении многих веков (стр. 257, 279, 305, 322, 357).

На периферии албаноязычного ареала естественно сложились двуязычные зоны. К северу и северо-востоку от современных границ Албании сформировалась албано-сербская зона. На крайнем юге Албании и северо-западе Греции лежит многоязыковая зона, охватывающая историческую область Чамерию (юг Албании, греческое побережье Ионического моря, район Янины), Македонию и Эпир. Здесь сложная чересполосица албанского, греческого, аромунского и славянского языков. При определении этого последнего — славянского языка — в изложении автора нет, к сожалению, той ясности и четкости, которая отличает всю книгу и которой мы вправе ожидать в ней при рассмотрении каждой проблемы, поднятой в этой серьезной работе. Язык славянского населения указанной зоны А. В. Десницкая определяет как болгарский, ссылаясь при этом на исследование Г. Вейганда⁵. Но ведь публикация Г. Вейганда осуществлена более 70 лет назад, когда представление об этнографической и лингвистической картах Балканского полуострова было несколько иным, чем сейчас. Сельский район вокруг города Кастории,

⁴ M. Lambertz, Die Mundarten der albanischen Sprache und ihre Erforschung, «Leipziger Vierteljahrsschrift für Südosteuropas», Bd. 7, Hf. 2—4, 1943, S. 124.

⁵ G. Weigand, Die Aromunen, I, Leipzig, 1895.

о котором идет речь (стр. 232, 321), — это район наибольшей концентрации македонцев в северной Греции⁶. Несколько позже автор сам указывает, что по ту сторону государственной границы с Грецией находятся македонские деревни (стр. 323). Получается, что жители македонских деревень говорят на болгарском языке. Другой пример: села Бабошитца и Дренова (к югу от Корчи) названы «небольшим островком старого болгароязычного населения» и тут же дана ссылка на А. Мазона, который назвал родную речь жителей этих сел «македонским диалектом» (стр. 305).

В районах смешанного албано-греческого населения в юго-западных областях Албании наблюдается двуязычие. Любопытно, что некоторые грекоязычные группы — это ассимилированные православные албанцы, которые в прошлом испытывали сильное влияние греческой культуры главным образом через церковь и школы. Этническое смешение албанцев с аромунями (валахами) началось сравнительно недавно и продолжается и сейчас. Все валахи Албании двуязычны.

В книге А. В. Десницкой есть странички очень живого описания народного быта, которые могли бы в равной мере принадлежать перу этнографа. В крестьянской среде на базе фольклора слагались устно-поэтические койне. Они звучали при совершении различных обрядов, церемоний (при сватовстве, на свадьбах и других семейных торжествах), на сходах, в суде старейшин, вершивших правосудие на основе обычного права. Застывшие формулы, архаические обороты речи, торжественно-приподнятый тон, — все это было не просто техническим средством общения людей из разных сел или местностей, это была дань уважения к традициям, в которых для народа воплощалась культура предков. Когда этнографы говорят о длительном сохранении архаических форм семейного и общественного быта в Албании, в качестве причины этого явления следует указывать не только материальную, хозяйственную базу, не только ничтожный процент грамотных и приобщенных к профессиональной культуре людей, но и ту определенную приверженность к традициям (особенно в области общественной жизни и всех видов народного творчества), которая служила средством самовыражения народа, инстинктивной защитой национальных особенностей в стране, задавленной чужеземным гнетом. Это явление характерно не только для Албании, но для всех балканских провинций Османской империи.

Народно-разговорные койне складывались при бытовом общении народа. Автор красочно описывает базары, регулярно собиравшиеся в городах, служивших центром притяжения для целой округи, где наряду с покупкой и продажей продуктов животноводства, земледелия и предметов ремесла в оживленных беседах осуществлялись языковые, бытовые и культурные контакты между жителями городов и окрестных сел. Далее автор подробно характеризует отгонное скотоводческое хозяйство албанских горцев, указывает традиционные маршруты перекочевки стад, рассказывает об оседании скотоводов на землю, о возникновении постоянных поселений. При этом указывается на хозяйственные и бытовые контакты между конкретными группами населения. Жаль, что автор допускает в этом месте неточность, называя албанских горцев и аромуней «кочующими скотоводами» (стр. 237). В отличие от аромуней, которые действительно вели кочевое (а не отгонное, как сказано на стр. 253) хозяйство, албанцы вели хозяйство отгонного или (позже) полутонного типа, но не были кочевниками.

Традиционный для южных областей Албании уход мужчин на заработки (курбет) также способствовал развитию языковой конвергенции и уничтожал локальные особенности речи. Не забыты автором и другие формы общения жителей разных местностей, разных родо-племенных групп: устойчивые традиционные отношения свойства, возникавшие между двумя экзогамными группами, традиционные праздники — и старинные, справлявшиеся на вершинах гор, и праздники во имя определенного святого, почитаемого в данной местности, и престольные праздники храмов.

В эти многообразные контакты, в том числе и в отношении свойства, вступали и мусульмане (сунниты и бекташи), и христиане (православные и католики). В крестьянской среде это приводило к примечательной веротерпимости. В городах шла более интенсивная культурно-бытовая ассимиляция при определенном перевесе мусульманской религии, в некоторых городах (Шкодре, Эльбасане) религиозные общины резко обособлялись друг от друга, что сказывалось на их говорах.

Как один из факторов сложения народно-разговорных койне А. В. Десницкая рассматривает родо-племенную структуру Северной Албании и процессы новообразования родо-племенных групп вследствие передвижения населения. Автор приходит к выводу, что «...лингвистическая карта всей североалбанской области находится в известной зависимости от истории родо-племенных групп, передвижения которых происходили еще сравнительно не так давно» (стр. 61). Не меньшее влияние на состояние современных говоров оказали и передвижения населения в Южной Албании, которые можно проследить на протяжении нескольких последних веков (стр. 61—63, 239).

Среди диалектов и говоров албанского языка в качестве самостоятельных объектов изучения выделены говоры всех крупных городов современной Албании, а при суммарном описании косовско-метохийского говора внимание автора останавливается на городах Печ, Дзякова (Дзяковица), Призрен, Приштина, Вучитерн (стр. 122—132). Со страниц книги встает четкая картина формирования городского населения, тяготение сельской округи к каждому из городов, специфика занятий горожан, взаимоотношения

⁶ «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 36—37.

последователей разных религий, городского ремесленно-торгового люда и аристократических семейств, чиновничества и т. д. Что касается столицы страны, то в книге описан говор старой Тираны (стр. 209—211) — небольшого города, населенного преимущественно ремесленниками и небогатыми торговцами, каким Тирана была до провозглашения ее столицей в 1920 г. С тех пор население ее сильно выросло за счет притока людей буквально из всех местностей страны, особенно после образования Народной Республики. Сейчас для речевой практики населения столицы характерно явное преобладание литературного языка и интенсивное взаимодействие его гегской и тоскской форм.

Мы перечислили далеко не все вопросы албанской этнографии, поднятые в книге «Албанский язык и его диалекты». Многие из них неизбежно остаются за пределами краткой рецензии. Но суть не в этом перечислении. Для этнографов книга «Албанский язык и его диалекты» важна не только как пособие для конкретных исследований по этнографии Албании, но и как база для постановки и решения теоретических вопросов о соотношении этнографических границ с языковыми, этническими территориями с диалектными зонами и, наконец, о роли языка в истории формирования этнической общности.

Ю. В. Иванова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Manuel Rivero de la Calle. *Las culturas aborígenes de Cuba*. Editorial Universitaria, La Habana, 1967, 194 стр.

Мануэль Риверо де ла Кайе в течение 20 лет занимается изучением коренного населения Кубы преимущественно как антрополог. У него есть также работы, в которых рассматриваются общие вопросы возникновения и развития индейских культур на острове (одна из них напечатана в сборнике «Куба», М., 1961). В настоящее время автор рецензируемой книги занимает пост директора департамента антропологии в Гаванском университете.

Книга задумана как пособие для студентов. Она является значительно дополненным вариантом работы об аборигенах Кубы, вышедшей в Гаване в 1963 г. Расширение объема произошло за счет появления новой главы и добавления большого количества необходимых для учебного пособия рисунков и фотографий. Произошли некоторые изменения во взглядах автора на общественное устройство индейцев Кубы, о чем будет сказано ниже.

Первая глава книги знакомит читателя с теориями происхождения американских индейцев. В ней излагаются концепции Амегино, Риве, Монтандона, Мендеса Корреа, аргентинских ученых Канальса Фрау и Имбеллони. Необходимость изложения историографии вопроса в учебном пособии несомненна. Но, к сожалению, в очерке не указаны работы, в которых упомянутые авторы излагают свои идеи. Нет этих книг и в списке литературы, приложенном к рецензируемой книге. При изложении точек зрения на происхождение «немонголоидных» черт в физическом облике древнего населения Америки можно было бы указать на имеющееся у некоторых ученых (в том числе и советских) мнение, что это могло быть результатом того, что американский континент начал заселяться в то время, когда еще не произошло дифференциации на ныне существующие большие человеческие расы.

В этой же главе рассматривается вопрос о заселении Кубы. Риверо придерживается мнения, разделяемого большинством специалистов, что первоначально остров был заселен выходцами с северного побережья южноамериканского континента. Оттуда же в более позднее время пришли и другие группы обитателей Кубы.

Некоторые кубинские ученые (в первую очередь Р. Эррера Фритот) полагают, что самое древнее население Кубы (неземледельческое и не владевшее техникой изготовления керамических сосудов) можно разделить по антропологическим характеристикам на две группы. Автор рецензируемой книги считает, что детальное исследование черепов свидетельствует об антропологической однородности древнейшего населения острова (стр. 15). Когда завершалась работа над книгой, время заселения Кубы определялось очень приблизительно. Уже после выхода книги в свет стала известна радиоуглеродная датировка, показавшая, что индейское население Кубы — одно из древнейших на Больших Антильских островах (индейцы жили здесь уже во II тысячелетии до н. э.).

Во второй главе книги рассказывается о географической среде, флоре и фауне острова. Больше всего внимания уделено растениям, возделывавшимся аборигенами, и диким растениям, применявшимся в хозяйстве индейцев. Перечислены и частично описаны млекопитающие, которыми Куба не была богата, рыбы, рептилии и многочисленные пресноводные и морские моллюски, служившие индейцам пищей и дававшие раковины для изготовления орудий и предметов обихода. Менее подробно описаны птицы.